

ИНТЕНЦИОНАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ ПОНИМАНИЯ СУЖДЕНИЙ

*Н.А.Алмаев,
Институт психологии РАН*

Введение

Данная статья посвящена применению модификации феноменологического метода исследования интенциональных структур к проблемам психолингвистики. Об экспериментальном исследовании интенциональных структур мы повествуем в другом месте (Алмаев, 1996), а эта работа имеет предметом методологические и теоретические аспекты данного подхода.

Проблемы методологии

Психология при всем беспримерном разнообразии своих подходов оказалась на поверку удивительно бедной в отношении собственных формальных средств описания.

Психологическое знание характеризуется метафоричностью. Речь идёт не только о таких явных случаях, как “компьютерная метафора” или символический язык разнообразных версий психоанализа, по большому счету метафоричными являются и столь “благонравные” тенденции психологической мысли, как привлечение физиологических данных или социальных отношений для “объяснения” психологических процессов. Действительно, совершенно очевидно, что локализация “черного ящика” в анатомическом субстрате или прослеживание его социального генеза ещё не дают понимания внутренней структуры и функционирования феномена, не делают “ящик” прозрачным. Но метафоричность и есть показатель отсутствия собственного языка, собственных формальных средств.

Конечно, нельзя сказать, чтобы у психологии они действительно полностью отсутствовали. В теории Пиаже, в учении И.П. Павлова, в понятиях ассоциации, возбуждения и торможения, аккомодации и ассимиляции, безусловно как-то фиксируются некоторые необходимые и универсальные содержания. Действительно, если, например, психические феномены могут как-то объединяться, то между ними должна образовываться связь. Однако

этого ещё недостаточно. Даже если мы попытаемся приложить к проблемам понимания языка казалось бы такую вещь из золотого фонда психологии, как учение Пиаже, понятия ассимиляции и аккомодации, равновесия и т.п., мы очень скоро убедимся, насколько они не конструктивны, обобщенно-описательны, недостаточны, принципиально не поддаются развитию и, одним словом, очень далеки от требований к формальному аппарату зрелой и серьезной науки. Но только такая наука и может справиться с поставленной перед психолингвистикой задачей.

Необходимые для создания вышеозначенных формальных средств процессы осознание и фиксация исходных посылок происходят, однако, не в собственно научном (очевидно, ведь, что о науке нельзя говорить, пока её предпосылки не сформулированы), но некотором преднаучном рассмотрении, относящемся как к области науки, так и философии.

Согласно различению, сделанному еще Кантом, наука исходит из определенных, четко осознанных и зафиксированных исходных посылок и, применяя их, получает новые знания, тогда как философия, напротив, стремится к выяснению исходных посылок своего рассуждения, отвечает на вопрос “как возможно?”.

Сказанное нами относится и к другим областям психологии. Положение не осознается как очень острое в тех случаях, когда средств, предоставляемых в распоряжение психологии естественным языком, оказывается более или менее достаточно, но как быть в случае психологически ориентированного подхода к психолингвистике, когда сам язык требуется описать в последовательно психологических терминах и понятиях?

Мы сочли разумным обратиться к результатам преднаучных рассмотрений, проведенных с наибольшей радикальностью и заботой о чистоте собственно психологической сферы опыта и, кроме того, сделанных исключительно ради ценности Теории самой по себе [Э. Гуссерль. “Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология”]

Такие результаты содержатся в работах хорошо известного (к сожалению, по большей части чисто номинально) философа Э. Гуссерля.

Гуссерль был особенно тщателен в своей заботе о контроле за предпосылками рассуждения. Для того чтобы строить философскую науку без предпосылок, он даже выработал специальные процедуры методического сомнения в существовании мира, его

знаменитое “эпохе”, и специальную процедуру феноменологической редукции.

Феноменологическая редукция (ФР) - это, быть может, наиболее своеобразное понятие, отличающее данное философско-научное направление от всех других. В обычной жизни сознание постоянно чем-то занято, направлено на реальные вещи, процессы и субъектов мира или на содержания собственных переживаний человека.

Сознание обеспечивает человеку приспособление в постоянно меняющемся внешнем и внутреннем мире. Соответственно, оно по преимуществу и систематически обращено на создаваемые в нём содержания и лишь эпизодически - на самое себя. Сознание служит для обеспечения единства и непрерывности трансцендентного, т. е. внешнего себе, и потому так трудно понять, как формируется в сознании из имманентных ему содержаний образ этого трансцендентного. Пока трансцендентное имеет для нас значение, мы не можем идентифицировать те акты сознания, в которых оно образуется, ибо направленное на трансцендентное сознание стремится к идентификации не своих актов, но трансцендентных (мирских) положений дел. [см. Husserl, 1950]

Цель ФР сделать работу сознания доступной для наблюдения. Для этого вместо мира нужно иметь образ мира. Или, как говорил Гуссерль, нужно “взять мир в скобки”, принять на время, что его существование нас не интересует, а интересует лишь то, как в нашем сознании формируется его образ. Благодаря такой переориентации сознания с поддержания единого образа мира на поддержание единства имманентного поля сознания новая информация об объектах мира перестаёт произвольно изменять деятельность сознания, и последняя становится всё более и более доступной для наблюдения и идентификации начальных, промежуточных и конечных моментов отдельных составляющих её актов.

Это позволяет выяснить содержания, с очевидной необходимостью относящиеся к феноменам опыта, как они даны сознанию непосредственно. Таким образом постепенно шаг за шагом открываются необходимые интенциональные структуры, образующие универсальные формы переживаний.

Именно в отсутствии ФР видел Гуссерль причину постоянного перепутывания собственно психического с трансцендентным ему мирским содержанием, приводящим, добавим мы, к несамомо-

стоятельности психологии и постоянному одалживанию ею формальных средств у других наук.

Гуссерль полагал, что роль, которую играет феноменология для психологии, состоит в снабжении последней очевидно обоснованными исходными понятиями, прояснение её оснований [Husserl, 1962, #9 S. 324-328]. Такие основания просты, являются необходимыми, т.е. фиксируют только то, чего не может не быть.

В указанной работе Гуссерль делает утверждения типа “всякое сознание есть сознание чего-то”, “всякая рефлексия может быть отрефлектирована в рефлексии более высокого уровня” [Husserl, 1962, S.306-307] и подобные.

Согласно Гуссерлю, феноменология относится к психологии как наука о сущностях относится к науке о фактах. Первая снабжает вторую средствами создания формальных описаний тех реальностей, которые даны в опыте. Применением таких средств может быть создана форма для любого явления в той или иной научной области. В области физических наук такой формой выступают измеряемое пространство и измеряемое время, измеряемая энергия, могущая существовать в нескольких видах, измеряемая масса и т.п. Другими словами, задача состоит в том, чтобы определить, что с необходимостью относится ко всем возможным событиям в той или иной области, как, например, точка, линия и поверхность относятся ко всем объектам геометрии; определить в данном случае, без каких содержаний функционирование психики просто невозможно мыслить, или это мышление будет неадекватно непосредственному опыту психического.

Насколько я понимаю Гуссерля, феноменология, будучи специально ориентирована на описание, должна раз и навсегда помочь психологии в этой работе и освободить ее ресурсы для построения и проверки очевидно обоснованных и оправданных с самого начала моделей.

Мы должны уделить исключительное внимание как точности описания, так и неизбежной необходимости каждого из элементов данных описаний. Феноменология может помочь психологии в этом, но нельзя забывать, что феноменология по жанру своему как философская преднаука принципиально отличается от психологии как науки. Первая ищет фиксации исходных посылок своего дискурса, в то время как вторая держится за установленные в ходе предыдущего поиска исходные посылки и не меняет их пока конструирует с их помощью знания. Таким образом, очень важно

понимать, что психология должна обращаться к багажу феноменологии, но делать это способом, подходящим для науки.

Говоря другими словами, психология должна иметь дело с конечными результатами феноменологических рассматриваний, но при этом должна сформулировать из них некоторый набор аксиом, набор конструктивных средств построения феноменов своей психологической реальности.

Здесь может пригодиться параллель к событиям в основаниях математики. Гуссерлевский стиль описаний близок к интуиционизму Л.Брауэра, развитие которого и исторически осуществлялось не без поддержки феноменологически “инфицированных” (наиболее известный - Г.Вейл) математиков. Однако для психологии как науки требуется нечто вроде параллели к работам А. Тьюринга, разбившего процесс счета на необходимые элементы типа запоминания, воспроизведения и считывания символа и затем использовавшего эти элементы действий для конструкции всех остальных математических деятельностей. Таким образом были созданы формальные основы компьютерной науки. Мы можем отметить здесь, что когнитивная психология, основываясь на применении компьютерной метафоры, тем самым неявно предполагает, что Тьюринг описал все необходимые для конструкции любых переживаний акты сознания. Однако очевидно, что машина Тьюринга, требующая для своей работы не ею порожденной программы, лишена способности к целенаправленному поведению, вызывая тем самым очень серьезный скепсис в отношении глобалистичных притязаний данного подхода.

Теперь нам следует рассмотреть, что же должно быть включено в основания психологи.

Гуссерль утверждал, что в основания психологии должны быть включены наиболее необходимые акты сознания, те которых не может не быть, те, без осуществления которых феномены психической жизни не могут состояться.

Важнейшим свойством жизни сознания является ее интенциональность, направленность на какой-либо объект, переживание или другую интенцию. “*Всякое сознание есть сознание чего-то*”, - не уставал повторять Гуссерль.

Он также много раз в различных местах своих работ утверждал, что универсальной формой психических переживаний является внутренняя временность сознания (*innere Zeitlichkeit*).

Действительно, непосредственная длительность составляет неотъемлемую характеристику любого переживания. “Временность,- писал Гуссерль,- означает не только то, всеобщее, что относится к любому отдельному переживанию, но и необходимую форму, связывающую одно переживание с другими.” [Husserl, 1950, # 81, S. 196 ff. сравни также Husserl, 1938 #38, S.190-194 и мн. др.]

Именно внутренняя временность оказывается последним уровнем очевидного описания, и если так, то акты, в которых образуется сама внутренняя временность, с необходимостью должны быть включены в набор фундаментальных актов, фиксация которых и будет образовывать основания психологии.

Гуссерль в лекциях по внутреннему сознанию времени [Husserl,], в лекциях о пассивном синтезе [Husserl,], в “Опыте и Суждении” [Husserl, 1938] оперирует следующими актами, образующими внутреннюю временность сознания.

Импрессия - “впечатление”, под которой он понимает любое восприятие внешнее или внутреннее - непосредственный момент “сейчас”.

Ретенция, - удержание или “еще-удержание” [Husserl, 1938 S. 116ff.], позволяющее образовывать синтетические единства переживаний.

Осовременивание - т.е. простое извлечение из памяти некоторых содержаний, отличающееся от более сложного воспоминания.

Протенция - “выдвижение”, или “первичное ожидание”, содержаний, сознательная или бессознательная постановка тех или иных состояний, содержаний, актов в качестве полезного результата действия, в качестве потребного будущего. Именно наличие и функционирование протенциальных структур щедро описывается в физиологии и А.Р. Лурией под названием системы планирования, и Миллером Галантером, Прибрамом под тем же названием, и наиболее корректно и точно П.К. Анохиным, под названием акцептора действия и представления о полезном результате. Именно способность к выдвиганию вперед бывшего результата и отличает живое существо от машины Тьюринга.

Таковы акты, образующие непосредственно внутреннюю временность. Однако, эта временность подчиняет себе лишь область чувственности [Husserl, 1938, S.306 ff.]. В действительности картина психической жизни должна быть дополнена ещё и способ-

ностью новообразования, способностью надстраивания одних этажей активности над другими, способностью модификации предшествующей активности. Для обозначения всех этих возможностей Гуссерль и говорит о спонтанной активности сознания как особом измерении, видоизменяющем структуры внутренней временности.

Спонтанность сознания, состоящая, как выражается Гуссерль, в обращении Я к тем или иным содержаниям, имеет место уже на уровне чувственности и рецептивности, проявляется, например, в различии между пассивным удержанием фона и активным выхватыванием содержания “лучом внимания”, [Husserl, 1938 S. 124 ff.] но своей кульминации она достигает на уровне суждения [Husserl, 1938 S. 231 ff.].

В спонтанной активности сознания суждение, собственно говоря, и строится из допредикативной внутренней временности. Однако поскольку в данной работе нас интересовало содержание суждений, т.е. то “из чего” они построены, то относительно больший объем в описаниях занимает именно внутренняя временность.

Сознание идентичности (идентификация) - также важнейшее для гуссерлевского метода понятие, находящееся в тесной связи с интенцией. “Все синтезы сводятся к синтезу идентичности”, - говорил Гуссерль [Husserl, 1962]. Интенция есть сознание чего-то, и это что-то может осознаваться как то же самое (несмотря на измененность его конкретной данности) в ходе идентификации. В известном смысле интенциональность и идентичность актов и объектов психики противостоят всей системе внутренней временности, образуя её вневременную основу, ибо для успешного функционирования психики необходимо, чтобы содержание могло быть опознано как то же самое и в ожидании, и в восприятии, и в воспоминании и т.д.

Все вышеперечисленные акты могут применяться одни к другим и создавать самые различные комбинации, соответствующие различным феноменам психической жизни, фиксируемым естественным языком.

В наших исследованиях каждому из актов ставился в соответствие графический символ - цветная стрелка, направленная к или от Я. Такая символика наиболее точно, как мне кажется, соответствует любимой метафоре Гуссерля - “умные лучи Я”.

Важнейший вопрос о Я сознания не входит в круг проблем, подлежащих разрешению непосредственно в данной работе, и потому мы можем охарактеризовать его как некий центр, к которому устремлены импрессии и осовременивания и из которого исходят протенции и спонтанная активность, в частности и та, что обеспечивает удержание сложных синтетических предметностей.

С помощью данных теоретических средств мы пытались установить, в какого рода инвариантных структурах переживаний осуществляется понимание различных лингвистических единиц русского языка.

Эта процедура в действительности близка к тем, что осуществляют лингвисты при определении значения слова, она также включает в себя осовременивание ситуаций употребления данного слова с последующим рассмотрением их инвариантов.

Однако существует и решающая разница, делающая наш подход как минимум на порядок более подробным. Лингвисты формулируют значение слова с использованием других слов, мы же от слов переходим к рассмотрению ситуаций, возникающих в нашем сознании через механизм осовременивания и ищем инвариант предметно-мотивационных отношений, образующих данные ситуации. Далее мы рассматриваем, в какого рода актах внутренней временности строятся данные инварианты. Огромное значение имеют при этом не просто аналитическое установление отдельных актов, но стремление к простраиванию синтетического единства их взаимодействия, что позволяет строить сложные предметно-мотивационные единства.

Выяснение интенциональных структур и есть конечный результат наших исследований. Рассмотрением непосредственного понимания различных суждений (под “пониманием” подразумевается реконструкция предметно-мотивационной ситуации) были выяснены иерархические структуры понимания синтаксиса естественного языка, т.е. механизмы построения предметно-мотивационных целостностей, ситуаций жизни, рождающихся в нашем сознании при понимании данных суждений.

Подчеркнем, что вслед за Гуссерлем, для нас “понимание значения” означает реконструкцию активности сознания, образующей данную ситуацию суждения. Тем самым прежде всего мы рассматриваем конкретную допредикативную активность, элемент ситуации жизненного мира, определяемый непосредственно

тем или иным синтаксически значимым признаком слова или/и всем его значением.

Теоретические исследования

Теперь мы попытаемся коротко охарактеризовать систему понимания грамматики.

Данная характеристика будет построена так, чтобы мы могли видеть как некие общие, характерные для целых частей речи особенности функционирования, так и отдельные сущностные моменты инвариантов конкретных смыслов на уровнях, требующих гораздо большей разрешающей способности нашей ментальной “оптики”. Весьма примечательно, что на всех этих уровнях стиль формы явлений, определяемый взаимодействием вышеперечисленных актов внутренней временности, остается тем же.

Это позволяет нам утверждать, что набор данных актов являет собой нечто вроде того, что советские исследователи называли “клеточкой” анализа.

Деятельность осовременивания рефлектируется в форме **существительных и прилагательных**. Действительно, достаточно сказать: “письменный стол”, “настольная лампа”, “старенький компьютер”, чтобы соответствующие содержания начали всплывать в нашем сознании. Разница между ними заключается в том, что **существительные** обозначают некоторые самостоятельные объекты, способные задавать тему речи, тогда как **прилагательные** выступают лишь их определениями. Действительно, если мы скажем “старенький компьютер работал еще хорошо”, все определения группируются вокруг “компьютера”, если же мы сделаем прилагательное существительным “старость - понятие относительное”, то определения начинают группироваться вокруг “старости” и т.д. Рассматривая деятельность системы осовременивания на примере существительных и их определений, мы замечаем, что они никоим образом не случайны (не чисто ассоциативны) и что осовремениваются различные ожидания (протенции) определений, частью осуществленные, частью неосуществленные, причем структуры этих ожиданий различны в случае различного рода существительных, например, - цвет, форма, вес, ожидаемые виды употребления в случае вещей физического мира (например, арбуз), некоторые инварианты ситуаций квалификации в случае абстрактных качеств (например, зре-

лость), определённые протенциальные структуры в случае названия действий или состояний (например, “бросание”). Отметим, однако, что в случае существительного все эти ожидания лишь осовремениваются, делаются доступными, но не применяются к другим объектам, как в случае целостного высказывания, сравни: “он бросил зрелый арбуз”.

Отметим в этой связи и такой лингвистический факт, что любое прилагательное, любой глагол может быть сделан существительным, но не наоборот. (Гуссерль обсуждает эту тему в Приложении 1. гл. 3, #13, Husserl, 1929). Для объяснения отличия существительных от прилагательных важно подробнее рассмотреть структуру осовремениваний. В “Идеях...” Гуссерль развивает важнейшее учение о необходимом носителе всех определений “определимом X”, задающем идентичность объекта [Husserl, 1950, # 131, ff.]. Определимый икс, выступает как бы транспортной системой осовремениваний. Именно благодаря осознанию определимого икса возможно “чистое мышление”, т.е. операции с голыми интенциями (одними определимыми иксами, в абстракции от тех содержаний, которые они несут). По всей вероятности, когда некоторое содержание оформляется как существительное, сознание определимого икса начинает протендироваться, что и позволяет присоединять к данному содержанию всё новые и новые определения. В случае же прилагательных их содержания всего лишь делаются доступными, но не остаются темой дальнейших доопределений, хотя и могут их получать, как, например, доопределения цвета в словосочетании “голубовато-белая бумага”. Соответственно, протенция определимых иксов тех содержаний, которые оформлены как прилагательные, иная чем в случае существительных, во всяком случае не столь постоянная, хотя и нельзя сказать, чтобы она отсутствовала совсем, поскольку любое прилагательное может оказаться существительным. Подобным же отношением характеризуются и различия между **подлежащим**, определяемым в ходе предложения, и другими существительными (дополнениями, обстоятельствами), участвующими в этом определении.

В “Опыте и Суждении” Гуссерль вводит такие понятия как внутренний и внешний горизонты определений и окружение [Husserl, 1938, S. 139 ff.] самостоятельных объектов и их частей.

Предлоги характеризуют отношения между частями и окружениям различных существительных, их локализации и перемещения в горизонтах друг друга.

Например, предлог “в” определяет нахождение внешнего горизонта одного объекта среди внутреннего горизонта другого. Предлог “у” нахождение одного объекта в окружении другого, “по” - протендируемое перемещение одного объекта в горизонте другого и т.д. В нашей диссертационной работе исследованы инвариантные структуры сознания 15 наиболее употребительных предлогов.

В русском языке с системой предлогов тесно связана система **падежей**, обслуживающая построение синтетического целого предложения. Коротко ее можно охарактеризовать следующим образом:

Именительный задаёт актуально активный определяемый икс. Можно сказать, определяемый икс данного предложения.

Родительный - отношение части и целого, т.е. осовременивает ближайший по содержанию непосредственный контекст данного определяемого объекта.

Винительный - определяет содержания, входящие в НПД-СВПД глагола (см. ниже).

Творительный - задает способ действия или инструмент действия т.е. идентифицирует содержание как относящееся к различным протенциально-импрессиональным структурам ВД (см. ниже).

Предложный - локализует (осовременивает контекст) НПД-СВПД.(см. ниже)

В **глаголах** отражается действие протенциально-импрессиональных структур.

Лучше всего понять действие протенций можно именно на примере глаголов, способных задавать самые различные временные отношения.

В любом глаголе необходимо выделять выдвигание следующих содержаний:

а) - начальное положение дел (НПД). Совокупность условий, знаменующих попадание импрессии того или иного содержания в данный глагольный континуум.

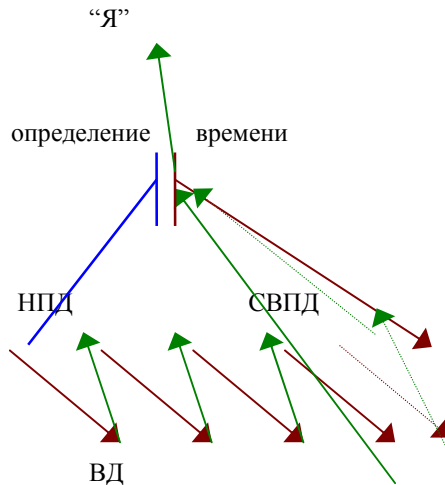
б) - семантически выдвигаемое положение дел (СВПД), определяющее окончание или выход импрессии из глагольного континуума.

В случае глаголов состояния НПД и СВПД совпадают.

В случае глаголов действия СВПД характеризуется как некоторый полезный результат, как некоторая цель.

Времена глаголов сознаются следующим образом: будущее время - как НПД, так и СВПД находятся в протенции, настоящее время: СВПД - в протенции, НПД - в ретенции, прошедшее время: как СВПД, так и НПД - в ретенции.

Совершенный и несовершенный вид глаголов конституируется различным положением окончательной внутриконтинуальной импрессии в отношении СВПД. В случае глаголов совершенного вида выдвигается совпадение импрессии с СВПД, в случае несовершенного вида между последней внутриконтинуальной импрессией и чисто протендируемым СВПД совпадения нет (на рисунке случай глагола совершенного вида обозначен пунктирными стрелками).

Следует также выделять некоторые характерные для данного глагола возобновляющиеся действия (ВД), например, шаг для "идти", толчок и полёт для "бежать", удар для "бить" и т. п. ВД

представляют собой *протенциально-импрессионные связи более низкого уровня*, непосредственно идентифицирующие нормальное функционирование той или иной функциональной системы (в смысле П.К. Анохина). Основа ВД - идентификация *неизменного паттерна* импрессий и протенций, характеризующего данный глагол.

Посредством ВД достигается СВПД. Из дифференциации различного рода импрессий и протенций ВД в отношении СВПД создаются основные рефлектируемые глаголом элементы отношений объектов: "действующий" (импрессия тождества источника ВД и активной стороны СВПД), "страдающий" (импрессии, группирующиеся вокруг объектной стороны СВПД), "инструмент" (импрессии неизменности ВД в ходе глагольного континуума).

Через ВД осуществляются самые простые метафоры (как, например, "бреющий полет").

Приставки отражают изменения характера импрессии объектов при переходе от НПД к СВПД. Например, приставка "*рас*" задаёт превращение единого в начале объекта во множество его частей, или чего-то более компактного во что-то более распределенное. Приставки - примитивные протенциальные структуры, задающие характер траектории объектов в ВД, например, перемещение по периметру в случае "*о*" и т.п. Отметим, что приставки, относясь к ВД и к СВПД, относятся тем не менее не к внутрэннне-временным структурам этих образований (как наречия), но к участвующим в них объектам. Сравни: "*он ловко обил дверь (с помощью молотка) дерматином*". Характер локализации и перемещения инструмента (молотка) определяется приставкой "*о*", в данном случае - совершающий ВД инструмент двигался по периметру двери, в случае другой приставки, результат был бы иным, ср.: "*он ловко сбил молотком дверь (с петель)*".

Феноменологический анализ позволяет проследивать, например, такое явление, как многозначность смысла, и устанавливать, как в зависимости от наличия тех или иных дополнительных актов сознания некий неизменный инвариант сознавания, фиксируемый той или иной приставкой, может приобретать противоположный смысл. Вернемся к только что приведенному примеру. Глагол *сбить* может иметь значения, близкие к противоположным в выражениях: *сбить с ног, сбить самолет и сбил, сколотил*

колесо, крепко сбитый парень. В первом случае значение деструктивное, во втором, напротив, - конструктивное. И тем не менее участвует одна и та же приставка! Как это получается, не может же у одной и той же приставки быть противоположный смысл! То же самое и с предлогом *с*, в одном случае значение совместного осовременивания (*чиновник идет с портфелем*), в другом случае, напротив, - удаления (*чиновник идет со службы*). В случае предлога совместность/съёмность, так сказать, четко определяется падежом, в случае творительного падежа значение *с* - совместное осовременивание, в случае родительного падежа - перемещение прочь из ближайшего контекста. Общим для обоих случаев является перемещение умственного взора на дополнительно определяемое содержание, доселе не осознававшееся отчетливо, импрессия, идентификация его и оформление как самостоятельный объект, однако затем в одном случае связь с исходным объектом устанавливается, и он совместно осовременивается с ним в качестве чего-то подобного потенциальному инструменту или манере действия, во втором случае перемещение взора рефлектируется и затем вторично протендируется как некое реальное устранение из контекста. (Не трудно видеть, что и тот и другой случай вполне определяются спецификой соответствующих падежей - см. выше).

Тот же характер совместности/съёмности переносится и на результаты ВД в отношении объектов СВПД, когда *с* оказывается приставкой.

Наконец, предвосхищая рассмотрение ещё одного важнейшего измерения проблематики суждения, пропущенного и Гуссерлем, - измерения фонетического символизма, - мы можем обратить внимание читателей на саму кинестатику произнесения “*с*”, фиксирующую простой перенос умственного взора.

Наречия были созданы для выражения различной спонтанной активности сознания, направленной на модификацию выдвигаемых в рамках глаголов положений дел.

Мы можем вернуться к приведенному выше примеру: “*ловко*” - это значит, что импрессии результатов ВД не расходились с протенциями ВД, ВД были экономны, быстры и т.п.”

Естественно что за каждым таким словом, характеризующим осуществление ВД в реальной жизни, стоят весьма и весьма сложные, иерархически организованные структуры внутренней временности, для выражения которых и служат наречия. Наречия

обслуживают также и предикацию определений, например, “ярко-красное яблоко”, что показывает относительную независимость структур внутренней временности от деятельностных компонентов психики.

Деятельностные компоненты (ВД, СВПД) создаются из внутренней временности, но не наоборот.

В каждом случае за наречиями скрываются самые различные по сложности структуры внутренней временности, приложимые, однако ни в малой степени не привязанные, к опыту конкретных объектов и положений дел. Законы усложнения структур внутренней временности, их отнесения друг ко другу представляются нам наиболее интересной и важной для психологии темой, подлежащей тщательному, в том числе и экспериментальному, исследованию.

Однако модификация внутренней временности посредством наречий реактивна, она создаётся в рамках суждения как бы вдогонку (в ответ на несовпадение выражаемого содержания психической жизни и выражающих возможностей глагола или прилагательного), но не претендует изначально до сказывания, в отличие от модификации содержания внутренней временности частицами и вводными словами и выражениями.

Союзы - фиксируют некоторые наиболее часто используемые связи ретенции и осовременивания. Рассмотрим, например, структуры столь хорошо известных союзов, как *и* и *или*. В обоих случаях в ретенции через постоянно готовое активное осовременивание удерживаются некоторые два компонента сложных положений дел. В случае *и* выдвигаемым является осовременивание обоих компонентов, в случае *или* лишь одного из них.

Частицы и вводные слова - фиксируют различные структуры спонтанной активности сознания, направленной непосредственно на внутреннюю временность как таковую, безотносительно к конкретному содержанию, проходящему сквозь нее в конкретном случае. Если наречия модифицировали импрессию лишь внутри глагольного континнума (или предикации прилагательного), то возможна также и принципиально любая модификация содержания, безотносительная к различным структурам глагола и приложимая принципиально к любым лингвистическим образованиям. Такова модификация внутренней временности с помощью **частиц**.

В статье, посвященной экспериментальному исследованию (Алмаев, 1996), мы приводим несколько описаний интенциональных структур частиц. Здесь в качестве примера рассмотрим различие между указательными частицами “*вот*” и “*вон*”

Об объектах, о которых говорится *вот*, хочется сказать, что они находятся вблизи, тогда как об объектах, находящихся “*вдали*”, хочется сказать *вон*.

Легко убедиться, что “*близ*” и “*даль*” в данном случае понятия не метрические, при значительной активизированности протенциально-импрессиональных систем, при повышенной заинтересованности в объектах вполне можно сказать: “*вот* за десять километров отсюда скачет всадник”, но - “*вон* у стены, в полутора метрах отсюда, лежит тапок” - при незначительной заинтересованности. Поэтому мы должны определить “*близ*” и “*даль*” с чисто формально-интенциональной точки зрения: “*близ*” как область относительно большего, “*даль*” малого прироста импресий. Излишне повторять, что в данном случае, как и всегда, импресии неразлучны с протенциями и в зависимости от их активности приобретают тот или иной статус. Итак, в случае “*вот*” объект сперва опознается, затем воспринимается в несколько большей подробности. Формально говоря, эта частица содержит момент идентификации 1) до и 2) после увеличения числа удерживаемых импресий объекта 3) соответствующее ожидание увеличения импресий. В увеличении числа удерживаемых импресий - различие между “*вот*” и “*вон*”. В последнем случае такого ожидания нет.

Заключение

Практическая ценность экспериментальной части данного подхода для обучения иностранному языку очевидна и непосредственна (см. Алмаев Н.А., Заявка на изобретение, N; гос. регистрации 96119435 от 8 октября 1996 года), о ней мы более подробно рассказываем в статье, посвященной экспериментальным исследованиям (Алмаев Н.А., в печати). Теоретическая же часть, как представляется, может иметь существенное значение для решения проблем искусственного интеллекта - создания системы, ориентирующейся в обстановке реального мира и адекватно воспринимающей речь.

Действительно, легко допустить, что для создания такой системы большое значение играет отчетливое понимание процессов, происходящих при построении образа ситуации в психике человека, по речевому сообщению о ней. Развиваемый нами подход, как представляется, предлагает вроде бы все необходимые теоретические и методические средства для всестороннего исследования этих процессов во всей необходимой полноте и тщательности.

С другой стороны, сложность и вместе с тем униформность данных процессов ставит задачи адекватного моделирования и фиксации результатов исследования в компьютерных системах нового вида. В качестве конечного итога нам представляется система, которая должна будет по сообщению естественного языка строить картину описываемого события примерно так, как это происходит в нашем сознании, когда мы “представляем” описываемые сцены.

Роль индивидуального опыта в такой системе, по всей вероятности, можно заменить некоторым набором графического и звукового материала, из которого пользователь при настройке сможет выбрать то, что ему наиболее приглянется.

Литература

Алмаев Н.А. 1996 Экспериментальное Исследование Интенциональных Структур в Психолингвистике. Психологический журнал (в печати).

Husserl E., 1938 Erfahrung und Urteil. Zur Genealogie der Logik. Academia, Prague.

Husserl E., 1950 Ideen zur eine reinen Phaenomenologie und Phaenomenologische Philosophie, Husserliana, Bd.3 Martinus Nijhoff. Den Haag.

Husserl E., 1962 Amsterdaemer Vortraege. Husserliana, Bd. 9. Martinus Nijhoff. Den Haag,

Husserl E, 1929 Formale und Transcendentale Logik. Versuch einer Kritik der Logische Vernunft. Niemeyr. Halle.